

Варвара ЭЙЛЕР (г.Москва) ПОМПЕИ И ВИВАЛЬДИ

На протяжении многих лет философы, искусствоведы, психологи и историки пытались расшифровать сложнейшее состояние человеческого сознания, называемое художественным творчеством, но так и не разгадали сущности этого явления, балансирующего на грани видимого и невидимого миров. Некоторые произведения искусства до сих пор таят в себе загадки и не поддаются анализу с точки зрения науки.

Гигантское полотно «Последний день Помпеи», созданное русским живописцем середины 19-ого века Карлом Брюлловым, таит в себе точно такие же неразгаданные тайны, как «улыбка Джоконды», голландская живопись 17-ого века, французский импрессионизм и русский академизм. Лишь только избранным открываются истинные тайны гениальных творений, и тогда, осознав их, эти люди становятся посвященными в тайны творчества и перед ними открывается непознанный и фантастический мир прекрасного.

Картина «Последний день Помпеи» изображает гибель древнеримского города Помпеи под бурлящей лавой вулкана Везувий. Это трагическое событие ознаменовало собой закат античного мира и наступление новой эпохи в развитии человечества, которая тоже оказалась несовершенной, но продолжала питаться мудростью древних миров.

Картина выставлена в Санкт-Петербурге в галерее Русского музея.

Лето 2001 года было неистовым, жарким и душным. В Подмоскowie горели леса, наполняя воздух гарью, которая серой дымкой обволакивала древний первопрестольный город. Людям было трудно дышать, передвигаться, но они не поддавались панике и продолжали жить, работать и улыбаться, не обращая внимания на жестокие капризы стихии.

Для одиннадцатилетней Риты это лето было особенным, потому что мама обещала свозить ее в Северную столицу России, город Санкт-Петербург, о котором она слышала как об ожившей старой сказке восемнадцатого века, задуманной и воплощенной в жизнь императором Петром Великим. Все дни напролет Рита сидела на подоконнике и мечтала о долгих поездках по узким прохладным каналам, созерцании прямых проспектов, причудливо выгнутых мостов с бронзовыми фигурками и роскошных неприступных фасадов дворцов, созданных великими итальянскими мастерами. Наконец долгожданный день настал. Рита проснулась чуть свет, собрала дорожную сумку, надела холщовые шорты с футболкой и вышла на кухню, где у плиты уже хлопотала мама в своем неизменном синем переднике. Она тоже была одета по-дорожному: голубые джинсы и легкая зеленая кофточка без рукавов.

— Ты уже встала? А я хотела тебя будить, — сказала мама и улыбнулась своей доброй улыбкой.

— Мама! — взвизгнула Рита и бросилась на шею матери. — Когда мы поедим? Скажи мне!

— У нас есть еще целый час, — строго сказала мама и поправила завитые светлые локоны. — Съешь кашу и выпей апельсиновый сок, — строго сказала она и поставила перед Ритой большую тарелку овсянки и стакан желтого кисло-сладкого напитка. Вздохнув, девочка взяла ложку и нехотя принялась есть столь нелюбимое ею кушанье.

— Поторопись, Рита, — недовольно сказала мама. — Этак мы опоздаем, и ты не увидишь Питер.

Рита поморщилась, потому что слово «Питер» резало ушки маленькой эстетки. «Петербург» звучало более наполнено и романтично.

— Все, я закончила, — сказала Рита и с пренебрежением отодвинула тарелку.

— Сколько раз я тебе говорила не отодвигать посуду! — недовольно сказала мама. — Ладно. Пошли, а то снова опоздаем.

Взяв дорожные сумки, Рита с мамой поспешно вышли из квартиры и направились к выходу. Выйдя на улицу, они без труда поймали такси, которое доставило их к Ленинградскому вокзалу. Через шесть часов «Стрела» должна была доставить их в желанный Петербург.

В вагоне было прохладно, и уставшие от московской жары пассажиры сладко дремали, подрагивая в такт летящему на высокой скорости экспрессу. Рита тоже спала, видя во сне необыкновенное смешение света, красок, переливание драгоценных камней и совершенные в своей красоте человеческие лица. Слабый толчок вывел девочку из царства Гипноса.

— Проснись, Рита, мы приехали, — послышался ласковый голос мамы.

Девочка открыла глаза и увидела склоненные над ней шелковистые белые локоны и добрые голубые глаза, под которыми едва наметились слабые лучики морщин. Конечно, это могла быть только ее мама! Рита потянулась, улыбнулась своими черными бездонными глазами и сказала.

— Я так хорошо выспалась!

— Выспалась? — переспросила мама. — Ну что же, а теперь добро пожаловать в Петербург! — и мама, схватив девочку за руку, весело поволокла ее к выходу.

Им необыкновенно повезло. Стихия сжалилась над городом Петра. Несмотря на то, что солнце обжигало землю своими лучами, в воздухе чувствовалась прохлада, источаемая многочисленными каналами и бескрайней Невой. Бросив вещи в дешевой гостинице и наскоро перекусив в маленьком ресторанчике, мама с Ритой отправились бродить по прямым улочкам, размашистым набережным, созерцая величественную и вместе с тем летящую красоту северной столицы.

В Летнем саду Рита слушала экскурсовода с широко открытыми глазами, а потом перебегала от статуи к статуе, вспоминая захватывающие истории о древнегреческих языческих богах, воплощавших человеческие чувства, страсти, желания, а в реальности отражавших земную жизнь во всем ее многообразии, великолепии и нелепости. Рите было одиннадцать, и в ней уже начинала пробуждаться чувственность, поэтому совершенные в своей красоте обнаженные греческие боги затрагивали в подсознании девочки доселе дремавшие струны, открывали для нее новый мир — мир плотских чувств, окрашенный красотой человеческих тел в ореоле сказочности и романтики. Рита обожала книги. С девяти лет она увлекалась Древней Грецией и была опьянена красотой эллинского духа. В свои одиннадцать лет она хорошо разбиралась в древнегреческой мифологии, пленяясь этими сказками красоты и мудрости. Еще она занималась музыкой, и любимые мелодии уносили ее в высокую и светлую даль звуков.

Музыка... Рите казалось, что чудесный шлейф звуков преследует ее с самого рождения. Еще в детском саду звонкие и подчас грубые аккорды пухлых рук учительницы уносили ее в светлые малиновые дали созвучий, отзываясь в душе сладостным движением, имя которому вдохновение. Но тогда Рита была еще слишком мала, чтобы осознавать подобные ощущения, да и сейчас ее душа могла только отзываться на нежные вибрации звуков, но пока еще не создавать их самой.

После прогулки по городу мама предложила Рите пойти в Русский музей.

— Я устала, — начала капризничать девочка, притворно потирая серые от пыли колени.

— Рита, у нас всего два дня, — строго сказала мама. — В Русском музее собрана одна из лучших в мире коллекций живописи, и ты глубоко пожалеешь, если не увидишь ее.

— Я не хочу! — недовольно ответила Рита и капризно поджала губки.

— Пойдем! — настойчиво сказала мама.

— Нет, — упрямо ответила девочка и опустила глаза.

— Ты не пожалеешь.

— М-м... — насупившись, промямлила Рита.

— Рита, я когда-нибудь обманывала тебя?

— Да, — честно ответила девочка и наивно посмотрела на маму своими черными глазами.

— Ты становишься несносной, — сердито ответила мама и, взяв девочку за руку, потащила ее к автобусной остановке. Через полчаса мама с дочкой бесцельно бродили по бесконечным галереям музея, изредка останавливаясь у наиболее ярких полотен.

В одном из залов внимание девочки привлекла огромная, сверкающая красками и светом картина. Рита подошла поближе и на маленькой табличке прочла, что полотно было написано в тридцатых годах девятнадцатого века художником Карлом Брюлловым и называлось «Последний день Помпеи». В краткой справке было написано, что Помпеи —

древнеримский город, который в начале первого тысячелетия был заживо погребен в бурлящей лаве Везувия. Рита отошла на некоторое расстояние, чтобы лучше рассмотреть полотно.

То, что с ней произошло, Рита запомнила на всю свою последующую жизнь. Яркий каскад красок ударил ей в глаза, у нее закружилась голова, ноги подкосились, и если бы не оказавшаяся рядом скамейка, то Рита упала бы в обморок от захвативших ее чувств. Эпохальные события происходили у нее на глазах. Полуобнаженные фигуры людей с идеальными пропорциями были освещены ослепляющим светом, а их необычайно красивые лица выражали ужас перед неизбежной трагедией. Рита сама не заметила, как вошла в это искрящееся полотно и оказалась в древнем античном городе Помпеи, который доживал на земле последние минуты. Словно замороженная, Рита пыталась рассмотреть яркие пятна света, с детским любопытством разглядывая людей, их позы, выражения лиц и уже ушедшую в историю жизнь. Ей хотелось заглянуть в каждое лицо, прочувствовать каждую эмоцию античного человека, который навсегда прощался со своим миром. Девочка хотела подбежать к каждому, но какая-то сила мешала ей приблизиться к этим странным застывшим картонным людям, которые напоминали декорации в театре. Рита пыталась окликнуть людей, но они молчали. Лишь неподвижная маска ужаса застыла на их лицах. «Куда устремлены их взоры? Чего они боятся?» — подумала Рита и взглянула на красное небо, которое казалось еще ярче на фоне черного дыма. Рита посмотрела чуть правее и увидела рассекающую небо неистовую вспышку молнии и падающие статуи древних богов, которых вот-вот должна была навсегда смести с лица земли черная лава. «Так вот чего они боятся», — поняла Рита. — Молния, которая пронзает, сжигает и испепеляет...»

Вдруг издалека из черной тьмы неба раздались тревожные звуки скрипки. Сначала тонкие, еле слышимые, а потом все более пронзительные и неистовые. Рита узнала знакомый и любимый ею скрипичный концерт Вивальди с его безумной, на грани срыва лирикой, переходящий в неистовый мажорный захватывающий фейерверк. Чарующие звуки как будто пробивались сквозь холст и наполняли тревожными вибрациями пространство картины.

Опьяненная этой трагической феерией, Рита стояла и продолжала всматриваться в лица людей. Захлебываясь от чувств, она вновь и вновь переживала те же эмоции, что доводили до полного изнеможения русского художника Карла Брюллова. Он до такой степени жил героями своего произведения, что очень часто его, обессиленного, выносили из мастерской. Но, собравшись с силами, он снова возвращался к своему полотну, чтобы воплотить и навсегда оставить зрителям те неистовые эмоции, что раздирали его душу.

Рита снова захотела приблизиться к этим застывшим фигурам, но не смогла, потому что нарастающее крещендо звуковхватило ее, и у девочки закружилась голова. Однако последовавшее за этим резкое волнообразное диминуэндо вернуло ее в этот бутафорский театр картонных фигур, наполненных движением, осознать которое Рите помогала столь любимая ей музыка Вивальди.

Рита увидела, что слева от нее двое молодых людей в голубых накидках несут дряхлого старика, лицо которого выражало спокойствие и сосредоточенность, а рука указывала куда-то вверх, как будто он хотел предсказать грядущие события. «Неужели мы погибнем, как этот древний город Помпеи?» — подумала Рита.

Она снова окинула взглядом людей и увидела, что рядом со стариком, прямо в центре полотна, лежала красивая нагая женщина в предсмертной агонии. Маленький, похожий на Амура, ребенок с ужасом смотрел на умирающую мать. Рита бросилась на помощь, но не смогла добежать, потому что неожиданно темная мгла рассеялась, фигуры исчезли и на фоне голубых облаков появилась фигура темноглазой девочки в белом платье. Она стояла прямо перед Ритой и держала в руках скрипку. Ее розовые губы улыбались лучезарной улыбкой.

— Чего ты испугалась, Рита? — певучим, музыкальным голосом спросила девочка. — Помпеи погибли в кипящей лаве Везувия, чтобы возродиться в легендах и обрести бессмертие. Людям только кажется, что они умирают. На самом деле, через страдания они обретают новое знание и возрождаются вновь. За всю историю человечества мир разрушался и возрождался много раз, одни поколения сменялись другими, и каждое думало, что привнесет в этот мир что-то новое или изменит его, но непрерывное движение истории доказывало, что события словно бумеранг повторяли себя, а человек оставался таким же: наивным, заблуждающимся и в конечном итоге прекрасным, способным делать то, что ему предназначено Богом.

— Кто ты? — испуганно спросила Рита.

— Я? — усмехнулась девочка. — Я — Десятая муза. Муза жизни и возрождения. Ты первая узнала обо мне. Я пришла показать тебе будущее, — с этими словами девочка прижала скрипку к подбородку и резко провела смычком по струнам. Мажорная

бравурная кода концерта Вивальди вызвала у Риты чувство оптимизма, победы и познания чего-то нового, вечного и прекрасного.

Мама застала Риту сидящей перед «Последним днем Помпеи». Девочка не шевелилась. Она как зачарованная смотрела на сияющее живыми красками полотно, не в силах оторваться от его могучей красоты. Мама обратилась к Рите, но девочка не сразу поняла вопрос.

— Пойдем, Рита. Ты уже целый час сидишь здесь! — сказала мама.

Девочка встала, взяла маму за руку и покорно направилась к выходу. По дороге Рита постоянно оглядывалась, пытаясь запечатлеть в памяти непокоренные Помпеи, а в голове у нее звучали чарующие звуки скрипичного концерта Вивальди, которые помогли пробудить в ней дремавшую способность творить и созидать.

Прошло семь лет. Свою первую картину Маргарита, студентка Академии Художеств, посвятила великому русскому художнику Карлу Брюллову.